
Субъективные признаки преднамеренного банкротства

Улезько Геляна Сергеевна,
магистрант университета Каплан,
Брисбен, Австралия.
E-mail: ulezkogs89@gmail.com

К субъективным признакам любого преступления относятся такие элементы состава преступления как субъект и субъективная сторона. Анализ диспозиции ст.196 УК РФ показывает, что данное преступление имеет материальный состав, т.к. для признания преднамеренного банкротства окончательным необходимо причинение крупного ущерба. Такое описание объективной стороны преступления, предусмотренного ст.196 УК РФ, позволяет предположить, что субъективная сторона преступления представлена умышленной виной, т.к. в диспозиции статьи не указано на неосторожную вину. В соответствии с ч.2 ст.24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей [Особенной части](#) уголовного кодекса. В нашем случае такого указания нет. Более того в ст.196 УК РФ законодатель говорит о совершении действий «заведомо» для виновного приводящих к указанным в диспозиции статьи последствиям.

Как мы указывали ранее состав данного преступления материальный, поэтому умысел может быть как прямой, так и косвенный. Так в диспозиции данной уголовно-правовой нормы ничего не сказано ни о мотивах, ни о целях данного преступления, то сузить понимание вида умысла только до прямого у нас не получится. Следовательно, совершая преступление, предусмотренное ст.196 УК РФ, с прямым умыслом, виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, предвидел возможность или неизбежность причинения [крупного ущерба](#) и желало наступления общественно опасных последствий.

Совершая преднамеренное банкротство с косвенным умыслом, виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, не желал, но сознательно допускал наступление неспособности юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, результатом которой явится причинение крупного ущерба, либо относилось к таким последствиям безразлично. В науке уголовного права нет однозначного ответа на вопрос: «Можно ли вменять лицу фактически причиненный или предотвращенный вне его воли ущерб, когда ему на момент совершения предусмотренных уголовным законом действий (бездействия) не все кредиторы были известны, равно как не была известна конкретная сумма обязательств перед кредиторами и, в частности, то, превышает ли она полтора миллиона рублей (так определяется крупный ущерб в [примечании к ст. 169 УК](#))?»

На этот вопрос ответ следует дать положительный. Но правильно ли, как это делают некоторые юристы, утверждать, что поскольку умысел лица при таких обстоятельствах расценивается как неопределенный, то содеянное должно быть квалифицировано исходя

из фактического размера наступивших последствий? Думается, неправильно, поскольку такой подход не решает проблему уголовной ответственности лица, действия которого направлены на причинение крупного ущерба, не наступившего, однако, по независящим от этого лица обстоятельствам. Например, когда при наличии признаков банкротства имущество организации-должника в размере менее крупного было старым руководителем за бесценок отчуждено, однако новый руководитель предотвратил другое негативное последствие в виде причинения ущерба путем неисполнения обязательств перед кредиторами.

Возражения приведенной позиции (о квалификации «по последствиям») основаны на том соображении, что определенный умысел вполне может быть и прямым. Неотражение в сознании лица точного числа кредиторов, обязательства перед которыми оно не собирается исполнять, равно как и точной суммы задолженности, не исключает признания того, что указанное лицо действует с прямым умыслом. Такой умысел следует определить как стремление причинить ущерб всем возможным кредиторам в сумме не менее той, которую руководителю удастся «увести» (сокрыть, подвергнуть отчуждению и т.д.), создав тем самым препятствие для обращения на это имущество взыскания, когда такое взыскание предусмотрено законом в целях погашения долгов перед кредиторами организации-должника.

Соответственно, и деяние руководителя в подобном случае следует квалифицировать как покушение на преступление, определив размер ущерба, на причинение которого был направлен умысел виновного, исходя из стоимости сокрытого и прочего имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание. Если (это решение для приведенного выше примера) при сложении (в целях определения ущерба как крупного) суммы ущерба, причиненного организации-должнику, с суммами неисполненных обязательств размер превысит один миллион пятьсот тысяч рублей, то содеянное образует состав преступления.«[1] Мы полностью поддерживаем точку зрения Яни П.С., дополнив его аргументацию тем, что вышеуказанное определение косвенного умысла анализируемого нами состава преступления указывает на безразличное отношение виновного к последствиям. Следовательно, апелляция противников поддерживаемой нами точки зрения к неопределенности умысла не совсем уместна.

Четкое понимание субъективной стороны преднамеренного банкротства поможет разграничить такие преступления от неправомερных действий при банкротстве. Судебная практика испытывает затруднения в этом вопросе. Так, В. осужден судом за совершение преступлений, предусмотренных [ст. 196](#) и [ч. 3 ст. 30](#), [ч. 1 ст. 195](#) УК РФ, за то, что в результате его неправомερных действий в должности руководителя ООО «Аксай-Интер» в отношении указанного общества арбитражным судом введена процедура наблюдения. Продолжая реализацию своих преступных намерений, В. учредил ООО «Кристалл-Юг», в уставный капитал которого передал все основные средства ООО «Аксай-Интер» стоимостью более 44 млн. руб.[2] Представляется, что действия В. должны быть квалифицированы только по [ст. 196](#) УК РФ, т.к. В. сознательно создавал ситуацию неплатежеспособности. Неправомερные действия при банкротстве налицо, если ситуация неплатежеспособности возникла под влиянием объективных и субъективных факторов, чего в нашем случае не было.

Таким образом, критерием разграничения неправомερных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства является момент возникновения умысла на совершение действий (бездействия) по созданию неплатежеспособности. Если до, то виновное лицо будет привлечено к уголовной ответственности по ст.195 УК РФ. Если после, то по ст. [ст. 196](#) УК РФ как преднамеренное банкротство.

Список цитируемой литературы

-
1. Яни П. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. № 1. — С. 38-42.
 2. Приговор Аксайского районного суда Ростовской области по уголовному делу N 1-14/2011: Электронный ресурс <https://rospravosudie.com/vidpr-ugolovnoe/court-aksajskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/section-acts/> (дата обращения 01.03.2016)